

А. СИНЯВСКИЙ

Раскованный голос

(К 75-летию А. Ахматовой)

Многие годы поэзия Анны Ахматовой представлялась современникам как бы застывшей в замкнутых границах, проложенных ее первыми книгами — «Вечер», «Четки», «Белая стая»... Кажалось, погруженная в прошлое, в мир интимных переживаний, в собственную стиховую культуру, она никогда не вырвется из плена своих излюбленных тем, знакомых образов, найденных интонаций. О том, что Анна Ахматова осуждена «перепевать себя», писала критика еще в двадцатые годы, и, к сожалению, такой взгляд на ее творчество до сих пор не изжит в читательском восприятии.

Но если обратиться к нынешней Ахматовой и внимательно перечитать все, что было создано ею за последние три десятилетия, — станут слышны чрезвычайно порой решительные новые ноты, заметны неожиданно смелые движения и повороты в том лирическом характере, который давным-давно сложился и прочно закрепился в нашем сознании.

Меня, как реку,
Суровая эпоха повернула,
Мне подменили жизнь.
В другое русло.
Мимо другого потекла она.
И я своих не знаю берегов.

Не переставая быть собою, Ахматова опровергает себя, точнее сказать — расшатывает и расширяет устоявшееся представление о себе как о поэте дореволюционной лишь поры, замкнутом в тесных пределах, в одном неизменном русле. Об этом гласит прежде всего ее гражданская лирика тридцатых годов и военного времени, исполненная трагической силы и мужества. Ах-

матова спорит с теми, кто хотел бы видеть в ней «стороннее» явление, чуждое жизни родной страны, равнодушное к судьбам народным. Сошлемся на ее строки о ежовщине, обернувшейся для самой Ахматовой большой личной трагедией:

Нет, и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл, —
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.

В ее лирике периода Отечественной войны очень явственно прозвучали идея единства поэта и гражданина, высокая патетика борьбы и скорби. Она писала в 1942 году в стихотворении «Мужество»:

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах.
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова, —
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем.
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

Меняется сам строй, сама тональность ахматовской лирики. Мы привыкли считать ее тихой, утонченной, женственно-хрупкой, следить за игрой нюансов, «микроскопических малостей», чуть слышных, едва уловимых модуляций. Кто поверил бы, что эта «Царскосельская Муза» сумеет заговорить так громко, так крупно на языке площадного просторечия, да еще — не о чем-нибудь, а о своем трижды воспетом Царском Селе, давно уже ставшем символом изысканной поэзии прошлого? И вдруг:

...Там солдатская шутка
Льется, желчь не тая...
Полосатая будка,
И махорки струя.
Драли песнями глотку
И клялись попадней,
Пили допоздна водку.
Заедали кутьей.
Ворон криком прославил
Этот призрачный мир.
И на розвальнях правил
Великан-кирасир.

В отличие от ряда своих литературных сверстников и современников Ахматова чуралась резких стилевых сдвигов, радикальных преобразований и более тяготела к традиционным формам стиха, к классической точности и ясности языка, к гармоничной речи Пушкина и Баратынского. Она и сейчас склонна к поэтическим реминисценциям, играющим подчас роль параллельных зеркал, которые создают в произведении углубленную перспективу и вместе с тем сближают удаленные друг от друга предметы («Как в прошедшем грядущее зреет, так в грядущем прошлое тлеет...»). Литературные имена, эпитафии, посвящения, встречи и прощания с минувшим («Как будто прощаюсь снова с тем, с чем давно простилась...»), сведение старых счетов с собою и своею памятью — все это не сковывает, а скорее облегчает задачу: вызвать на небольшом участке стихотворного текста ощущение большого пространства и свободно двигаться в нем, аукаться, перекликаться с голосами других эпох, других сфер бытия. Благодаря широте охвата целый мир может стать посредником в разговоре автора с его мысленным собеседником, и то, что этот обмен мыслями ведется вполголоса или протекает в молчании, — уже не помеха. Безмолвие, тишина у Ахматовой обыкновенно говорят не об отсутствии, но о присутствии захватывающего, величественного.

Мне с тобою как горе с горою...
 Мне с тобой на свете встречи нет.
 Только б ты полночною порою
 Через звезды мне прислал привет...

Новые качества поздней ахматовской лирики заставляют по-иному взглянуть и на ее литературную биографию, пересмотреть некоторые ставшие традиционными мнения о поэзии ранней Ахматовой. Стоит задаться вопросом по поводу ее возможностей — быть может, уже тогда, в начальный, камерный период ее развития, тайлось, существовало в потенции то, что послужило опорой позднему, окрепло и обновилось впоследствии?

Ахматова всегда была признанным мастером лирического автопортрета, воссоздающего жесты и мимику живого лица с такой непринужденной наглядностью, что оно начинает высовываться из рамы стихотворения. Малый формат в данном случае оказывался необычайно вместительным. Ахматова обладала способностью в объем четверостишия уложить судьбу человека с его психологическими изгибами и тайнами внутренней жизни.

Я счастлива. Но мне всего милей
 Лесная и пологая дорога,
 Убогий мост, скривившийся немного,
 И то, что ждать осталось мало дней.

Помимо смысловой и предметной наполненности лирика ранней Ахматовой нередко способна удивить размахом интонации, силой, напором голоса, который, как писал некогда Мандельштам в стихотворении, ей посвященном, «души расковыривает недра». Лирическая партия в таком случае ведется с такой широтой душевных и соответственно интонационных движений, что камерный жанр становится пристанищем для характера крупного, мощного, почти монументального. В самом интимном она владеет искусством возвышенного, героического, трагедийного слова и жеста. Всем памятна классическая тирада Ахматовой:

Будь же проклят. Ни стоном, ни взглядом
 Окаянной души не коснусь.
 Но клянусь тебе ангельским садом,
 Чудотворной иконой клянусь
 И ночей наших пламенных чадом —
 Я к тебе никогда не вернусь.

Эта инвектива не только раскрывает, как принято думать, раненое женское сердце, оскорбленное и негодующее, но и демонстрирует нам истинные возможности той личности поэта, которая стоит за всеми этими пронзительными заклятиями.

Диапазон ее лирического дарования достаточно рано давали почувствовать и произведения Ахматовой, проникнутые сознанием гражданского долга, личной и общей ответственности за судьбу родины. Примечательно в этом плане ахматовское стихотворение, написанное в 1917 году и прозвучавшее как отповедь всем, кто намеревался покинуть Россию, охваченную революционным пожаром. В тех условиях (несмотря на то что современность была тогда представлена ею преимущественно в сумрачном освещении) был важен сам выбор, сделанный Ахматовой и решенный в пользу родной земли. Вот почему (по свидетельству К. И. Чуковского) Александр Блок, любивший это стихотворение и помнивший его наизусть, придавал ему принципиальное значение. «Ахматова права, — говорил он. — Это недостойная речь. Убежать от русской революции — позор».

...Мне голос был. Он звал утешно,
 Он говорил: «Иди сюда,

Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.
Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».
Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

От еле внятного шепота до пламенной ораторской речи, от скромно потупленных глаз до грома и молнии — такова широта ее чувства и голоса. Должно быть, именно здесь следует искать истоки того, что выросло в дальнейшем и дало возможность лирике Ахматовой повернуть в новое русло, вместив в свои берега и патриотический пафос, тишину высоких метафизических созерцаний, и шумные, разноголосые споры умерших и живущих.

